

О ДѢЙСТВІЯХЪ АРМІИ СУЛЕЙМАНА-ПАШИ.

(по документамъ турецкаго военнаго суда).

(Статья первая.)

ЭСКИ-ЗАГРИНСКАЯ ОПЕРАЦІЯ.

Читатели «Военнаго Сборника» имѣли возможность ознакомиться съ самыми подробностями дѣйствій различныхъ нашихъ отрядовъ въ прошлую кампанію по тѣмъ официальнымъ даннымъ, которыя своевременно сообщались въ журналѣ. При этомъ, на сколько это было возможно, сообщались и всѣ данныя о положеніи и дѣйствіяхъ турецкой арміи. Но данныя эти были, по необходимости, отрывочнаго характера и не могли отличаться особенной точностью и полнотой, такъ какъ самыя способы добыванія свѣдѣній о противникѣ въ военное время не могутъ быть на столько совершенны, чтобы не оставалось, въ этомъ отношеніи, никакихъ пробѣловъ, никакихъ неточностей.

Обыкновенно, уже послѣ кампаніи, каждая изъ воевавшихъ сторонъ издаетъ ея описаніе, въ которомъ и восстанавливается полная картина войны; такимъ образомъ, пополняются всѣ неточности, всѣ пробѣлы, касающіеся дѣятельности противника. Къ сожалѣнію, такова судьба всѣхъ нашихъ войнъ съ Турціей, что для созданія ихъ исторіи намъ приходится всегда довольствоваться одними нашими источниками, что неминуемо ведетъ къ извѣстной односторонности, извѣстнымъ промазамъ и даже къ невольнымъ ошибкамъ.

Съ этой точки зрѣнія военное общество должно особенно интересоваться появленіемъ въ константинопольской газетѣ «La Turquie» официального отчета о процессѣ Сулеймана.

Паша этотъ, какъ извѣстно, игралъ весьма видную роль въ прошлой войнѣ; дѣятельность его была разнообразнѣе, нежели всякаго другаго турецкаго генерала: онъ дѣйствовалъ и противъ генерала Гурко во время забалканскаго похода передоваго отряда, и противъ генерала Радецкаго на Шипкѣ, и на восточной части театра войны, противъ отряда Наслѣдника Цесаревича, и снова противъ генерала Гурко, во

время второго забалканскаго похода нашей арміи. Вслѣдствіе этого, отчетъ о процессѣ Сулеймана долженъ выяснитъ подробности дѣйствій турецкой арміи во время самыхъ интересныхъ моментовъ кампаніи, за исключеніемъ Плевненскаго.

Сверхъ того, отчетъ этотъ бросаетъ яркій свѣтъ и на внутреннюю, бытовую сторону турецкой арміи, также весьма интересную. Въ этихъ-то видахъ мы рѣшились познакомить читателей «Военнаго Сборника» съ наиболѣе интересными подробностями процесса.

Прежде всего считаемъ не лишнимъ напомнить, что послѣ славныхъ для нашей арміи дѣлъ 3-го, 4-го и 5-го января подъ Филипополемъ часть арміи Сулеймана, въ страшномъ безпорядкѣ, бросилась бѣжать по направленію на Гюмурджинъ и Деде-Агачъ; по прибытіи въ этотъ послѣдній пунктъ, Сулейманъ-паша былъ арестованъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ и другихъ преступленіяхъ и заключенъ сначала въ одинъ изъ Дарданельскихъ замковъ, а затѣмъ въ тюрьму при се раскеріатѣ, въ Константинополѣ. Процессъ Сулеймана-паши рѣшено было раздѣлить на двѣ части: политическую и военную; отчетъ о послѣдней, самой интересной для насъ, части и появился въ настоящее время. Что же касается до политической части процесса, то она, какъ кажется, канула въ вѣчность.

Въ составъ военнаго суда надъ Сулейманомъ-пашою вошли слѣдующія лица: предсѣдатель—Сампихъ-паша; члены: муширы Муштафа, Нузретъ и Дервишъ-паши и дивизионные генералы Фейзи, Мехмедъ и Али-Низами-паши; генеральнымъ прокуроромъ назначенъ былъ дивизионный генералъ Неджибъ-паша.

Первое засѣданіе суда открылось чтеніемъ тескере военнаго министра Реуфа-паши и перваго министра Ахмеда-Вефика-паши. Такъ какъ въ документахъ этихъ излагаются мотивы, по которымъ Сулейманъ-паша предается суду, то мы считаемъ не лишнимъ привести ихъ цѣлымъ, дословно.

1. Тескере Реуфа-паши Ахмеду-Вефику паши.

«Какъ во время совершенія марша изъ Герцеговины черезъ острогскіе дефиле на албанское Скутари, такъ и во время командованія балканскою арміею, такъ, наконецъ, и во время командованія южной дунайскою арміею, Сулейманъ-паша, вслѣдствіе дѣйствій необдуманыхъ и предпринятыхъ по частвой его инициативѣ, былъ причиной бесполезной гибели огромнаго числа солдатъ императорской арміи; и все это потому, что онъ никогда не руководствовался принципами военнаго искусства и

соблюдалъ правила, предписывавшаго во всѣхъ случаяхъ совѣтоваться съ подчиненными ему генералами и офицерами.

Будучи назначенъ командиромъ балканской арміи, Сулейманъ-паша не только не могъ извлечь изъ нея никакой пользы, но довелъ ее до необходимости капитулировать. Также точно онъ не могъ ничего сдѣлать и съ румелійской арміей: а между тѣмъ эта армія, состоявшая, если считать и войска, переведенныя съ сѣверной на южную сторону Балканъ, изъ 130 баталіоновъ, представляла послѣднюю опору отоманской имперіи: она была разсѣяна и ея артилерія, въ числѣ болѣе ста орудій, досталась неприятелю. И при этомъ Сулейманъ-паша не соблюдалъ правилъ военного искусства, касающихся содержанія аванпостовъ, назначенія арьергардовъ и поддержанія связи между различными бригадами.

Разбросанные баталіоны его арміи въ страшномъ безпорядкѣ двигались вмѣстѣ съ эмигрантами. Вмѣсто того, чтобы идти на Адрианополь, Сулейманъ-паша воспользовался дорогой черезъ Балканы на Гюмюрджинъ въ такое время года, когда дорога эта была непроходима. Самое движеніе было исполнено въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ, причѣмъ Сулейманъ бросилъ свою армію и постоянно шелъ на цѣлый переходъ впереди ея; различныя предпріятыя имъ мѣры были одна хуже другой; наконецъ, онъ позволилъ себѣ такія дѣйствія, которыя были недостойны его сана и позорили армію. Все это слѣдуетъ изъ показаній многихъ генераловъ и офицеровъ его арміи.

«Несомнѣнно, сверхъ того, что Сулейманъ-паша имѣлъ намѣренія, враждебныя императорскому правительству.

«Но всѣмъ этимъ причинамъ, означенное лицо не только недостойно занимаемаго имъ поста, но недостойно даже считаться въ рядахъ императорской арміи, подлежить военному суду, но, въ виду нынѣшняго затруднительнаго положенія страны, я считаю этотъ судъ пока неумѣстнымъ и полагаю, на основаніи прежнихъ примѣровъ, подвергнуть Сулеймана-пашу заключенію въ одномъ изъ Дарданельскихъ замковъ».

Подписано *Рейфъ*.

5 февраля 1878 года.

II. Тескере Ахмеда-Вефика-паши сераскеріату.

«Прилагаемое тескере военного министра указываетъ на необходимость арестовать Сулеймана-пашу въ одномъ изъ Дарданельскихъ фортовъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи онъ былъ судимъ военнымъ судомъ. Требованіе это основывается на различныхъ ошибкахъ Сулеймана и неправильныхъ его военныхъ дѣйствіяхъ, какъ во время командованія имъ различными отрядами, такъ и, въ особенности, во время послѣдняго его марша изъ Базарджика въ Гюмюрджинъ; сверхъ того, оно мотивировано и мятежными воззваніями Сулеймана въ Гюмюрджинѣ.

«Означенное тескере было подвергнуто обсужденію совѣта министровъ.

Т.СХХУ. Отд. I.

9

«Ошибки Сулеймана доказываются тѣмъ грустнымъ положеніемъ, въ которомъ находится имперія, въ особенности послѣ потери Базарджикской арміи. Такимъ образомъ, Сулейманъ-паша является виновникомъ того, что непріятель угрожаетъ нашей столицѣ, и императорское правительство принуждено согласиться на переговоры о мирѣ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ.

«На этомъ основаніи и принимая въ соображеніе, что военныя ошибки Сулеймана болѣе важны, нежели ошибки другихъ начальниковъ, уже преданныхъ суду; принимая въ соображеніе, что мятежныя воззванія противъ правительства, произведенныя въ такую критическую минуту, нарушаютъ внутреннее спокойствіе имперіи — совѣтъ министровъ положилъ нынѣ же подвергнуть Сулеймана-пашу заключенію въ тюрьмѣ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи онъ былъ судимъ военнымъ судомъ за его военныя ошибки и верховнымъ судомъ за мятежныя его дѣйствія.

Подписано: *Вефикъ*.

6 февраля 1878 г.

Затѣмъ, прочитанъ былъ генеральнымъ прокуроромъ обвинительный актъ, который приводится нами также цѣликомъ, изъ желанія не нарушать его цѣльности и характеристичности.

«Дѣятельность Сулеймана-паши противъ русской арміи раздѣляется на три части:

«Первая—заключаетъ въ себѣ періодъ его наступленія отъ Адріанополя и командованіе Шипкинской арміей; вторая начинается съ его назначенія начальникомъ восточно-дунайской арміи и заключаетъ въ себѣ его прибытіе въ Константинополь и назначеніе главнокомандующимъ арміями дунайскими и румелійской; наконецъ, третья часть заключаетъ его движеніе отъ Адріанополя и отступленіе на Порто-Лагасъ.

«Обвинительный актъ рассмотреть каждую изъ этихъ частей отдѣльно.

«Когда русскіе перешли Дунай у Систова и двинулись на Тырновъ, правительство, видя въ этомъ опасность для Адріанополя, принуждено было прекратить военныя дѣйствія въ Черногоріи и перевести Герцеговинскую армію къ Адріанополю, съ цѣлью остановить наступленіе русскихъ. Армія эта, подъ начальствомъ Сулеймана-паши, прибыла въ Адріанополь въ тотъ моментъ, когда русская кавалерія сожгла желѣзнодорожную станцію Хаскіой и разрушила самую дорогу между Адріанополемъ и Филипполемъ ('). Тогда Сулейманъ занялъ кара-бунарскую станцію желѣзной дороги.

(') Въ дѣйствительности была разрушена не только эта дорога, но и частіи между Кара-Бунаромъ и Лени-Загрой.

«Не смотря на то, что прибытіе Сулеймановской арміи прешетствовало дерзкимъ предпріятіямъ русскихъ, они заняли Шипкинскій проходъ, такъ какъ бригадный генераль Ахмедъ-Хулусси-паша не могъ его защитить. Затѣмъ послѣдовало взятіе Казанлыка и Эски-Загры; эти пункты были заняты одной только дивизіей 8-го корпуса.

«Было крайне необходимо, чтобы Сулейманъ-паша выбилъ сначала русскихъ изъ Эски-Загры и затѣмъ отбросилъ ихъ со всѣхъ пунктовъ, занятыхъ ими по сю сторону Балканъ. Съ этой-то цѣлью военный министръ Реуфъ-паша, бывшій въ то время въ Лени-Загрѣ, предпринялъ свой маршъ, основанный на предписаніи Сулеймана.

«На совѣщаніи этихъ двухъ генераловъ въ Радинѣ, гдѣ обсуждался планъ занятія Эски-Загры, Реуфъ предлагалъ обоимъ отрядамъ дѣйствовать вмѣстѣ; Сулейманъ былъ противоположнаго мнѣнія и настаивалъ на необходимости двигаться концентрически, каждому отряду отдѣльно, и соединиться въ окрестностяхъ Эски-Загры. Такъ какъ Сулейманъ былъ главнымъ начальникомъ, то Реуфъ долженъ былъ подчиниться его мнѣнію и двинулся изъ Лени-Загры въ Эски-Загру; желая воспользоваться такимъ раздѣленіемъ турецкихъ силъ, непріятель атаковалъ дивизію Реуфа-паши, силою всего въ 10—12 баталіоновъ. Въ теченіе двухъ дней шелъ бой на Лени-Загра—Эски-Загрской дорогѣ.

«Выступившій между тѣмъ изъ Кара-Бунара на Эски-Загру Сулейманъ-паша слышалъ пушечные выстрѣлы со стороны Лени-Загры, но, не желая допустить участія Реуфа въ побѣдѣ надъ противникомъ, въ противность всѣмъ правиламъ военнаго искусства, не подалъ ему ни малѣйшей помощи и позволилъ русскимъ раздавить малочисленный Лени-Загрскій отрядъ.

«Между тѣмъ, благодаря храбрости своихъ войскъ, Сулейманъ занялъ Эски-Загру и съ помощью Реуфа-паши могъ бы совершенно уничтожить или захватить въ плѣнъ русскій отрядъ; къ сожалѣнію, Реуфъ былъ уже разбитъ и вслѣдствіе этого необыкновенная храбрость Сулеймановскихъ войскъ повела только къ очищенію русскими Эски-Загры.

«Какъ бы то ни было, но генераль Гурко былъ совершенно разбитъ подъ Эски-Загрой (?). Часть его отряда отступила по хайнкійскому дефиле; часть же, оставшаяся въ Казанлыкѣ и на Шипкѣ, была совершенно ослаблена пораженіемъ подъ Эски-Загрой. Само собою разумѣется, что Сулейманъ долженъ былъ воспользоваться такимъ положеніемъ противника; не дать ему времени усилиться и овладѣть Шипкой, включомъ къ Балканамъ, предметомъ дѣйствій его арміи.

Вмѣсто этого, подѣ предлогомъ водворенія бѣглецовъ мусульманъ, онъ остался въ Эски-Загрѣ цѣлые шесть дней, а армія его, отъ бездѣлья, занялась въ это время грабежомъ. Потерявъ такъ много времени, Сулейманъ двинулся въ Лени-Загру. Прибывъ въ этотъ пунктъ, а затѣмъ въ Хаинкюй, и узнавъ, что непріятель очистилъ какъ хаинкюйское, такъ и кредигское дефиле, Сулейманъ не долженъ былъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что силы русскихъ сосредоточились на Шипкѣ; зная же это и силу шипкинской позиціи, онъ не долженъ былъ къ ней двигаться. а быстро пройти по хаинкюйскому дефиле, взять Елену. Драново. Кульфоръ и другіе стратегическіе пункты въ Болгаріи (?): войти въ связь съ восточно-дунайской арміей и угрожать Тырнову или даже овладѣть имъ. Очевидно, что вслѣдствіе этого русскіе, не полагаясь болѣе на своихъ проводниковъ болгаровъ (?), должны были бы очистить Шипку, а вслѣдствіе соединенія двухъ нашихъ армій—отступить даже къ Систову.

«Мехмедъ-Али-паша, въ качествѣ главнокомандующаго дунайской арміей, и пригласилъ Сулеймана выполнить указанный планъ; Сулейманъ же не только не подчинился такому приказанію, но ограничился укрѣпленіемъ хаинкюйскаго дефиле и, по неизвѣстнымъ мотивамъ, предпринялъ атаку Шипки, результатъ которой былъ очевидно сомнителенъ.

«Во всякомъ случаѣ, зная силу позиціи на Шипкинскомъ перевалѣ, Сулейманъ долженъ былъ ограничиться только одной попыткой сбить съ нея русскихъ. Онъ же, напротивъ, вздумалъ повести продолжительную осаду русскихъ позицій и, не предпринимая рѣшительно ничего противъ ихъ сообщеній, удовольствовался лишь укрѣпленіемъ трехъ пунктовъ вокругъ русскаго лагеря; этимъ онъ связывалъ отборную свою армію, тогда какъ могъ отступить къ Малымъ Балканамъ, частью своихъ силъ занять позицію для наблюденія за русскими или въ этихъ горахъ или у какого нибудь другаго стратегическаго пункта, съ остальными же силами или пройти по хаинкюйскому проходу и соединиться съ восточно-дунайской арміей, или черезъ Мара-Гайдукъ и по сельвинской дорогѣ, для соединенія съ плевненской арміей. Сулейманъ не сдѣлалъ ничего подобнаго и терялъ понапрасну время подѣ Шипкой; онъ не воспользовался тѣмъ временемъ, когда противникъ былъ слабъ, и дождался того, что русскіе заняли Ловчу и обложили, въ первый разъ, Плевну.

«Таковы дѣйствія Сулеймана въ первый періодъ его командованія балканской арміей; онъ упустилъ за это время много благопріятныхъ моментовъ.

«Между тѣмъ. Мехмедъ-Али-паша съ восточно-дунайской арміей предписано было наступать на Бѣлу. съ цѣлью заставить противника снять обложеніе Плевны.

«Такъ какъ Мехмедъ-Али не рѣшался выполнить это приказаніе и представлялъ разнаго рода возраженія. то надѣялись, что его выполнить Сулейманъ, почему онъ и былъ назначенъ главнокомандующимъ восточно-дунайской арміей. Передъ отправленіемъ къ мѣсту новаго назначенія Сулейманъ никакъ не хотѣлъ признать невозможности помочь Плевнѣ. движеніемъ ли на Бѣлу или какимъ нибудь другимъ путемъ; по прибытіи же къ восточной арміи, онъ дѣйствовалъ совершенно противно своимъ обещаніямъ.

«Во время того продолжительнаго періода, когда русскіе ожидали прибытія подкрѣпленій. Сулейманъ занимался бесполезными инспекціями Шумлы, Варны, Руссукъ, Разграда, Османъ-Базара, Эски-Джумы и др. пунктовъ и тѣмъ далъ русскимъ время притянуть къ себѣ многочисленныя подкрѣпленія изъ самыхъ отдаленныхъ странъ — Польши и Туркестана (?); только тогда онъ сдѣлалъ правительству представленіе о невозможности наступательныхъ дѣйствій и испросилъ разрѣшеніе дѣйствовать оборонительно.

«Между тѣмъ. Реуфъ-паша, бывшій въ то время командиромъ шипкинскаго отряда, прислалъ Сулейману планъ атаки противника, состоявшій въ наступленіи значительныхъ силъ отъ Османъ-Базара. Планъ этотъ долженъ былъ быть выполненъ слѣдующимъ образомъ:

«Отрядъ, назначенный для наступленія, долженъ былъ опираться своимъ лѣвымъ флангомъ на главную цѣль Балкановъ, а правымъ на подвижныя отряды изъ пѣхоты и кавалеріи и, въ случаѣ надобности, на отряды, занимавшіе дефиле Истрока, Кредичъ и Хайнъ-Богазъ; резервъ шипкинскаго отряда долженъ былъ пройти черезъ Хайнъ-Богазъ и соединиться съ главною частью войскъ, двигающихся отъ Османъ-Базара; затѣмъ, соединенный такимъ образомъ, отрядъ долженъ былъ быстрымъ движеніемъ овладѣть Еленой и въ то же время угрожать со стороны Османъ-Базара Кезровской нахи (¹). Если бы, противъ всякаго ожиданія, маневръ этотъ не принудилъ бы противника бросить Шипку, то паша армія должна была изъ Елены демонстрировать въ направленіи къ Тырнову, затѣмъ быстро измѣнить направленіе, броситься на Шипку и уничтожить или взять въ плѣнъ русскій шипкинскій отрядъ. Затѣмъ, турецкіе шипкинскій и османъ-базарскій отряды должны были соединиться и тогда уже, конечно, овладѣли бы Тырновымъ.

«Этотъ рѣшительный планъ не былъ принятъ Сулейманомъ вслѣд-

(¹) По Османъ-Базарской дорогѣ.

ствіе его личной ненависти къ Реуфу, или вслѣдствіе того, что онъ не желалъ исполнить планъ, предложенный къ нему нибудь другимъ, чтобы не раздѣлить съ этимъ другимъ и славу успѣха.

«Сулейманъ сослался на извѣстный приказъ (1), предписывавшій ему оставаться въ оборонительномъ положеніи; и на этомъ основаніи, рѣшительно отклонилъ планъ Реуфа.

«Получивъ ожидавшіяся подкрѣпленія, русскіе внезапно атаковали Ахмеда-Хивзипашу въ Горнежъ-Дубнякъ, на пути сообщенія Плевны, и, вслѣдъ за симъ, захватили въ плѣнъ Хаккипашу въ Телишъ; въ виду этого было признано необходимымъ укрѣпить Орханіэ.

«Такъ какъ восточно-дунайская армія, силою въ 187 баталіоновъ, была поставлена въ оборонительное положеніе, то военный министръ пригласилъ Сулеймана выдѣлать изъ своей арміи отъ 25 до 30 баталіоновъ, которые и должны были быть присоединены къ войскамъ, уже находящимся въ Орханіэ; для той же цѣли, Реуфъ обѣщаль дать съ Шипки 8 или 10 баталіоновъ.

«По неизвѣстнымъ причинамъ, Сулейманъ не обратилъ вниманія на это требованіе, и сослался на невозможность ослабить свою армію; между тѣмъ, позже, когда пала Плевна и когда, слѣдовательно, положеніе восточно-дунайской арміи сдѣлалось болѣе затруднительнымъ, нежели прежде, онъ сразу выдѣлилъ 60 баталіоновъ, для дѣйствія противъ Сербіи.

«Затѣмъ, вслѣдствіе соглашенія съ Мехмедомъ-Али-пашой—подать помощь Плевнѣ, Сулейманъ двинулся къ Еленѣ, съ цѣлью овладѣть сначала этимъ городомъ, а затѣмъ и Тырновымъ. Весь успѣхъ этого предпріятія зависѣлъ отъ быстроты дѣйствій; между тѣмъ, овладѣвъ Еленой, Сулейманъ вздумалъ, неизвѣстно для чего, предпринять атаку Кадькюя (2), куда и уѣхалъ. Войска, оставленные въ Еленѣ, занялись грабежомъ города. Такимъ образомъ, *изъ блестящей побѣды подъ Еленой, не было извлечено ни малѣйшей пользы* и главная цѣль наступленія, заключающаяся въ томъ, чтобы помочь Плевнѣ, не была достигнута.

«Здѣсь кончается второй періодъ дѣятельности Сулеймана; во время командованія восточно-дунайской арміей онъ не сдѣлалъ ничего важнаго: лишь одна побѣда подъ Еленой представляетъ исключеніе; да и она не принесла намъ никакихъ выгодъ, такъ какъ была одержана

(1) Здѣсь дѣло идетъ, очевидно, о приказаніи сераскеріата, данномъ на основаніи представленія самого же Сулеймана, о чемъ говорилось выше.

(2) Въ районѣ расположенія 12-го армейскаго корпуса.

уже тогда, когда Плевна пала или была близка къ паденію. Затѣмъ, все остальное время Сулейманъ занимался только интригами.

«Плевна пала. Событіе это освобождало девять (?) русскихъ корпусовъ въ тотъ самый моментъ, когда и Сербія начала съ нами войну; вслѣдствіе этого положеніе обѣихъ сторонъ измѣнилось; нужно было измѣнить и тотъ способъ дѣйствій, котораго мы придерживались до тѣхъ поръ.

«Сулейманъ-паша отправился для осмотра оборонительной линіи Балкановъ и убѣдился въ томъ, что, вслѣдствіе слабости нѣкоторыхъ ея пунктовъ, ее нельзя было серьезно защищать въ теченіе продолжительнаго времени; въ то же самое время начальники шипкинскаго и камарлійскаго отрядовъ извѣстили Сулеймана о необходимости перемѣны операціоннаго плана. Не смотря на все это, Сулейманъ продолжалъ, такъ сказать, жить со дня на день вопреки всѣмъ правиламъ военнаго искусства и стратегіи.

«Тотчасъ же послѣ паденія Плевны и объявленія войны Сербіей, намъ нужно было расположить войска наши такимъ образомъ, чтобы они, въ случаѣ надобности, могли сосредоточиться къ Адрианополю и Константинополю,¹ пользуясь для этого желѣзными дорогами. Самыя элементарныя указанія военнаго искусства предписывали исполненіе такой операціи. Сулейманъ же, не смотря на самыя точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на театрѣ войны, не только не подумалъ объ этомъ планѣ, но еще ослабилъ восточно-дунайскую армію, выдѣливъ изъ нея сразу 60 баталіоновъ,—между тѣмъ какъ, въ виду паденія Плевны, эта армія нуждалась, наоборотъ, въ подкрѣпленіяхъ. Упомянутые баталіоны Сулейманъ, по всегдашней своей привычкѣ, разбросалъ въ Татаръ-Базарджикъ, Капуджикъ и окрестностяхъ Пирота.

«Этими дѣйствіями Сулеймана растягивалась наша оборонительная линія, что увеличивало беспорядокъ, и подвергались опасности шипкинскій и другіе балканскіе отряды, угрожаемые русскими, наступавшими со стороны Плевны.

«Здѣсь необходимо войти въ нѣкоторыя подробности:

«Ахметъ-Эюбъ-паша, начальникъ балканской арміи, высказалъ ту мысль, что облагать Шипку послѣ паденія Плевны, значило подвергаться страшной опасности; за это мнѣніе Сулейманъ отрѣшилъ названнаго генерала отъ должности, будто бы вслѣдствіе его неспособности.

«Затѣмъ, Шакиръ-паша, начальникъ камарлійскаго отряда, доносилъ Сулейману, что, по свойствамъ мѣстности, русскіе легко могутъ обойти его съ одного изъ фланговъ и отрѣзать ему путь отступ-

ленія. Въ отвѣтъ на это Сулейманъ извѣстилъ Шакира, что онъ съ 60-ю баталіонами идетъ къ нему на помощь, и что разъ онъ займетъ Софію—путь отступленія камарлійскаго отряда будетъ вполне обезпеченъ. На этомъ основаніи Шакиру предписывалось держаться до указанного времени во что бы то ни стало.

«Вопреки этому сообщенію, Сулейманъ оставилъ часть своего отряда въ Татаръ-Базарджикѣ, другую послалъ въ Пироть, не смотря на очевидную невозможность удерживать за собою этотъ пунктъ; наконецъ, третью—черезъ Самаковъ въ Кюстендилъ, безъ всякой надежды извлечь какою бы то ни было пользу изъ этой части отряда.

«Баталіоны, посланные въ Пироть, еще не успѣвъ сосредоточиться, принуждены были выдерживать отдѣльныя стычки съ непріятелемъ и, наконецъ, отступили въ Софію. Было бы гораздо выгоднѣе послать ихъ въ Нишь, тогда по крайней мѣрѣ наступленіе сербовъ было бы задержано на болѣе или менѣе продолжительное время; но Сулейманъ, какъ уже было сказано, разбросалъ свои войска и, конечно, не могъ извлечь изъ нихъ той пользы, которую бы они оказали, если бы были сосредоточены въ Софіи. Послѣдствія такого образа дѣйствій не заставили себя ждать; въ виду незначительности нишскаго гарнизона, сербы безъ труда овладѣли этой крѣпостью.

«Между тѣмъ, русскіе перешли Балканы у Чуріака, Сулейманъ же не обладалъ достаточными для отраженія ихъ силами. Чувствуя себя въ опасности въ Софіи, онъ, пробывъ тамъ всего два часа, бѣжалъ и отдалъ въ жертву русскимъ камарлійскій отрядъ, который, въ надеждѣ на обѣщанное занятіе Софіи, упустилъ удобную минуту для отступленія или къ этому пункту, или къ Ихтиману.

«Затѣмъ, Сулейманъ-паша, конечно, принужденъ былъ приказывать очистить Софію и этимъ самымъ отдалъ въ руки непріятеля громадныя запасы продовольствія именно въ ту минуту, когда русскіе всего болѣе нуждались въ немъ. Впослѣдствіи выяснилось, что означенныя запасы оказали громадную услугу русскимъ.

«Въ виду перехода русскихъ черезъ Балканы и занятія ими Софіи, необходимо было позаботиться объ укрѣпленіи Адрианополя. Поэтому Сулейманъ долженъ былъ распорядиться такимъ образомъ: оставя въ Капуджикѣ и нѣсколькихъ другихъ пунктахъ небольшіе отряды, способные на короткое лишь время задержать наступленіе противника, обезпечить путь отступленія шипкинскаго и базарджикскаго отрядовъ; всѣ остальные свои силы перевести по желѣзной дорогѣ къ Адрианополю и, наконецъ, туда же примкнуть шипкинскій отрядъ. Но Сулейманъ-паша,

придерживаясь своей авантюристской стратегіи, не позаботился ни о прикрытіи Адрианополя, ни о сосредоточеніи своей арміи.

«Вслѣдствіе такой небрежности, армія Сулеймана была разбросана по оборонительной линіи въ 250 верстъ длиною: Ассафъ-паша занималъ Кюстендиль, Османъ-паша — Самаковъ, Сабитъ-паша — проходъ Кануджикъ, Шакиръ-паша — окрестности Отлукюя, Фуадъ-паша — Татаръ-Базарджикъ, наконецъ Искендеръ-паша — проходъ Порассидумъ.

«Такимъ образомъ, когда 28-го декабря 1877 года русскіе перешли Балканы у Шипки и взяли въ плѣнъ нашу армію, другая наша армія, силою въ 138 баталіоновъ, была разбросана въ окрестностяхъ Татаръ-Базарджика, т. е. въ разстояніи 250 верстъ отъ Адрианополя, тогда какъ русскія войска, спустившіяся съ Шипки, были лишь въ разстояніи 100 верстъ отъ этого пункта. Такъ какъ не было сдѣлано ни малѣйшихъ приготовленій для перевозки нашихъ войскъ по желѣзной дорогѣ, то и армія Сулеймана, и Адрианополь, и даже столица имперіи — поставлены были въ весьма опасное положеніе. Въ виду этого, Сулейману оставалось только одно: пользуясь тѣмъ временемъ, пока русскіе не подошли еще къ желѣзной дорогѣ (1), воспользоваться ею для перевозки хотя части своей арміи къ Адрианополю; остальную же часть своихъ силъ направить въ Константинополь, черезъ Самаковъ и Салоники. Нѣкоторые даже совѣтовали Сулейману поступить именно такимъ образомъ, но онъ не согласился ни съ чьими совѣтами и приказалъ своей арміи отступать въ Адрианополь черезъ Филинополь.

«Очевидно было, что, занявъ Софію, русскіе тотчасъ же начнутъ преслѣдованіе нашей отступающей арміи. Не смотря на очевидную невозможность предупредить противника (въ Адрианополь), въ виду двойнаго противъ русскихъ перехода, который нужно было для этого исполнить. Сулейманъ-паша не слушалъ тѣхъ, которые совѣтовали ему или воспользоваться желѣзной дорогой для перевозки одной части арміи, и направить другую на Салоники, или оставаться на мѣстѣ и оказать сопротивленіе русскимъ; онъ не сдѣлалъ ничего подобнаго и, предсавъ вышеозначенное отступленіе, тѣмъ самымъ причинилъ катастрофу, начавшуюся еще ранѣе самаго отступленія.

«Между тѣмъ, Османъ-паша изъ Самакова, и Сабитъ-паша изъ Кануджика — прибыли со своими дивизіями въ Татаръ-Базарджикъ. Возможность отступленія на Салоники была уже упущена. При такихъ-то условіяхъ Сулейманъ отдалъ приказаніе отступать въ Адрианополь черезъ Филинополь.

(1) Это очевидно видно о филипопольской вѣтви желѣзной дороги.

«Уже въ это время въ арміи было достаточно безпорядка, но Сулейманъ какъ будто бы желалъ увеличить его, и потому, наканунѣ выступленія, позволилъ солдатамъ разграбить военные склады г. Татарь-Базарджика, съ тѣмъ, чтобы они не достались неприятелю. Воспользовавшись этимъ позволеніемъ, солдаты набросились и на дома мирныхъ жителей города, и до такой степени обременили себя награбленной добычей, что для облегченія начали бросать свои патроны и продовольствіе; часть солдатъ осталась въ тылу, другая пользовалась обовыми мулами и телѣгами эмигрантовъ, которые пережались съ частями арміи и отступали вмѣстѣ съ нею. При отступленіи не было принято никакихъ мѣръ охраненія; появилась масса отсталыхъ, баталіоны шли въ страшномъ безпорядкѣ и безъ всякой связи между собою. Хаосъ былъ полный. Въ такомъ-то видѣ началось отступленіе изъ Татарь-Базарджика.

«Переходъ въ Филиппополь долженъ былъ быть совершенъ въ одинъ день; въ послѣднемъ — Сулейманъ долженъ былъ соединиться съ Сабитъ-пашой, который пришелъ въ Филиппополь ранѣе, и затѣмъ продолжать движеніе вмѣстѣ. Но вдругъ, безъ всякой необходимости, лишь подъ предлогомъ реорганизации своихъ баталіоновъ, Сулейманъ вздумалъ остановиться на продолжительное время въ Кадыкюѣ, въ двухъ часахъ разстоянія отъ Филиппополя. Этимъ онъ, конечно, позволялъ противнику выиграть много времени.

«Русскіе, пользуясь этимъ, успѣли подойти къ Кадыкюю; посредствомъ стычекъ начали задерживать движеніе нашей арміи и заняли Филиппополь ранѣе, нежели могли туда придти наши войска. Только тогда понялъ Сулейманъ, какую ошибку онъ сдѣлалъ, остановясь въ Кадыкюѣ; онъ тотчасъ же приказалъ продолжать движеніе и голова передней нашей колонны перешла на лѣвый берегъ р. Марицы, но скорѣе была отброшена противникомъ и разсыялась въ рисовыхъ поляхъ Филиппополя.

«Тогда вся армія бросилась къ ближайшимъ отрогамъ Родопскихъ горъ, причѣмъ вышло такъ, что головная колонна могла прибыть къ с. Дермень-дере къ вечеру, а арьергардъ — послѣ полуночи. Дивизія Сабита-паша, вслѣдствіе приказанія, полученнаго ею въ 2 часа ночи очистила Филиппополь и совершенно открыла лѣвый флангъ нашей арміи; это обстоятельство позволяло русскимъ пройти черезъ Филиппополь въ полной безопасности.

«На другой день возобновился жестокий бой въ окрестностяхъ Дермень-дере. Между тѣмъ, Сулейманъ-паша бросилъ свой постъ и уѣхалъ

въ Станимакъ, подъ предлогомъ организовать оборону этого города дивизіей Сабита-паши, посланнаго туда заранее.

«Не довольствуясь этимъ и опасаясь за свою личную безопасность, Сулейманъ приказалъ Осману-Нури-пашѣ, готовившемуся занять позицію между Дермень-дере и Станимакомъ, идти за Станимакъ. Такимъ образомъ, онъ старался окружить свое мѣстопробываніе войсками со всѣхъ сторонъ и къ разброскѣ баталіоновъ прибавилъ еще разброску пѣхоты дивизіей, не заботясь объ установленіи связи между ними.

«Между тѣмъ, непріятель атаковалъ дивизію Фуада-паши и вслѣдъ затѣмъ бригаду Назифа-бея. Въ видахъ достиженія непрерывности линіи обороны, Фуадъ-паша написалъ Сулейману-пашѣ доносеніе, указывая на необходимость укрѣпить с. Коклянъ, гдѣ расположилась бригада Назифа; но такъ какъ мѣстопробываніе главнокомандующаго не было никому извѣстно, то письмо Фуада дошло до него лишь поздней ночью. Въ тотъ же вечеръ противникъ разбилъ бригаду Шурри-паши, состоявшую изъ пяти баталіоновъ и принадлежавшую къ составу дивизіи Шакира-паши; такимъ образомъ образовался промежутокъ между дивизіями Шакира и Фуада, и армія была раздѣлена на двѣ части.

«На слѣдующій день, Фуадъ-паша все еще велъ ожесточенный бой съ противникомъ; Сулейманъ же, имѣя подъ рукой 60 свѣжихъ баталіоновъ, но одержимый боязнью, не рѣшился идти ему на помощь, атаковавъ непріятеля съ тыла (?). Вслѣдствіе этого, дивизія Фуада, разстрѣлявъ всѣ свои патроны и не надѣясь уже на помощь, принуждена была начать отступленіе по чрезвычайно трудной дорогѣ, не допускавшей движенія артилеріи.

«Затѣмъ, ссылаясь на то, что двѣ-пятыхъ его арміи разбиты и разсыяны въ горахъ, Сулейманъ-паша со своими 60-ю баталіонами обратился въ постыдное бѣгство, бросивъ свою артилерію и не выждавъ даже атаки противника.

«Означенные баталіоны достигли морскаго берега въ полномъ безпорядкѣ.

«Такимъ-то образомъ, огромная армія въ 113 баталіоновъ, если считать дивизію Асафа-паши, отступившую къ Салоникамъ, была разбита и разсыяна, подвергнувъ гибели Андрианополь и столицу имперіи, и принудивъ правительство заключить перемиріе на крайне тяжелыхъ условіяхъ.

«Очевидно, что виновникомъ этой катастрофы является Сулейманъ-паша, бывшій главнокомандующимъ съ почти неограниченной властью.

«Въ качествѣ генеральнаго прокурора и во имя нація и государства. я требую, чтобы правосудіе было исполнено».

Подписано: генеральный прокуроръ *Неджибъ-паша*, дивизионный генералъ генеральнаго штаба.

Послѣ обвинительнаго акта прочитанъ былъ послужной списокъ Сулеймана, изъ котораго видно, что онъ воспитывался въ константинопольской военной школѣ; 24-хъ лѣтъ отъ роду произведенъ въ подпоручики и началъ службу въ арміи; съ теченіемъ времени былъ назначенъ сначала профессоромъ, а затѣмъ директоромъ военной школы; наконецъ, послѣ 16-ти-лѣтней службы, произведенъ былъ въ мушеры.

Затѣмъ начался допросъ Сулеймана *о дѣлѣ при Эски-Загру*. Если изъ его показанія выбросить всѣ лишнія подробности и повторенія, то получится, въ сущности, слѣдующее:

«Будучи вызванъ изъ Герцеговины, Сулейманъ прибылъ въ Деде-Агачъ 9-го іюля, а 10-го онъ былъ уже въ Адрианополь: здѣсь онъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ военнаго министра:

Телеграма Махмуда-паша Сулейману-пашѣ. 9-го іюля 1877 года

«Въ послѣднюю субботу непріятель атаковалъ два баталіона, занимавшіе Хаянкійскій проходъ и, послѣ двухчасоваго боя, перешелъ Балканы.

«Реуфъ-паша тотчасъ же выступилъ на встрѣчу противнику изъ Сливно и приказалъ Хулюсси-пашѣ съ тремя баталіонами идти туда же съ Шипки. Но генералы эти не могли уже соединиться.

«Русскіе присоединили къ себѣ множество болгаръ, такъ что число ихъ значительно возрасло; наши отряды въ Сливно и Шипкѣ такъ велики, что не могли оказать противнику серьезнаго сопротивленія, отрядъ же, сформированный въ Османъ-Базарѣ, не подоспѣлъ своевременно; вслѣдствіе этого, противникъ сжегъ множество мусульманскихъ селеній, занялъ Казанлыкъ и Шипку и окружилъ нашъ отрядъ на Шипкинскомъ перевалѣ; затѣмъ онъ пододвинулся къ самому Каллоферу и Карлово, а одна изъ его дивизій укрѣпилась въ Кассабъ-кіо по дорогѣ изъ Казанлыка въ Эски-Загру, въ разстояніи 2½ часовъ отъ послѣдней.

«Шипкинскій перевалъ занятъ былъ войсками Хулюсси-паша и Рахсима-паша; первый изъ нихъ атаковалъ противника тремя баталіонами еще въ то время, когда тотъ обладалъ лишь слабыми силами, но съ тѣхъ поръ мы не получали отъ него никакихъ известій. Бѣглецы рассказываютъ, что наши баталіоны разбиты послѣ продолжительнаго сопротивленія и разбѣжаны, и что Хулюсси-паша взялъ

въ плѣвъ; другіе говорятъ, что онъ еще защищается въ укрѣпленіяхъ Шипкинскаго перевала; наконецъ, третьи сообщаютъ, что русскіе атаковали нашъ отрядъ со стороны с. Шипки и Габрова и принудили его къ сдачѣ.

«Реуфъ и Халедъ-паши и адрианопольскій вали сообщать вашему превосходительству свѣдѣнія, какъ относительно всѣхъ этихъ подробностей, такъ и о числѣ нашихъ войскъ и орудій въ той мѣстности.

«Въ силу императорскаго ираде, ваше превосходительство назначаетесь главнымъ начальникомъ балканской арміи; Реуфъ-паша, находящійся въ настоящую минуту въ Лени-Загрѣ, получилъ это назначеніе лишь временно; онъ командуетъ отрядомъ изъ 20 баталіоновъ, двухъ эскадръ и одной горной батареей, пяти ротъ низама и значительнаго числа черкесовъ и анатолійской кавалеріи.

«Въ настоящее время мы посылаемъ для вашей арміи двѣ полевые батареи и тотчасъ же вслѣдъ засимъ вышлемъ еще двѣ или три батареи.

«Начальникъ виддинской арміи Османъ-паша, съ 25-ю баталіонами занялъ въ прошлую среду г. Шлеву. Въ этотъ и въ слѣдующій дни русскіе атаковали его, но принуждены были отступить съ значительными потерями, причежъ въ руки Османа-паши достались три артиллерійскихъ зарядныхъ ящика (1), значительное число ружей и боевыхъ припасовъ. Изъ нишской, софійской и ново-базарской дивизій выдѣлено отъ 25 до 30 баталіоновъ, которые посланы черезъ Орханіэ въ Шлеву на подкрѣпленіе Османа-паши.

«Ахмедъ-Эюбъ-паша съ 40 баталіонами, пятью или шестью полками кавалеріи и шестью батареями артиллеріи расположился близъ Рудуба.

«Главная наша цѣль въ данную минуту заключается въ томъ, чтобы * позволить русскимъ сосредоточить значительныя силы на Балканахъ и не допустить ихъ угрожать отрядамъ Османа и Ахмеда-Эюба-пашей; да достиженія этой цѣли нужно какъ можно скорѣе очистить отъ противника страну по сю сторону Балкановъ и оттѣснить ихъ за Балканы. Исполненіе этой-то операціи и возлагается на ваше превосходитель-

(1) Обращаемъ вниманіе читателей на это мѣсто телеграммы; оно свидѣтельствуетъ, до какой степени турки гордились мѣлчайшими трофеями, захваченными у насъ. Во время самой кампаніи намъ не разъ случалось читать въ константинопольскихъ газетахъ оціалныя сообщенія о двухъ-трехъ ружьяхъ, захваченныхъ турками послѣ какого нибудь дѣла, причежъ ружья эти немедленно продавались въ Константинополь.

тельство. Считая излишнимъ давать вамъ болѣе подробныя инструкціи, прибавляю только, что необходимо дѣйствовать какъ можно быстрее»

Подписано: *Махмудъ*.

Для достиженія указанной цѣли, Сулейманъ, кромѣ герцеговинской арміи, могъ располагать отрядами Реуфа-паши, находившагося въ Іени-Загрѣ, и Хулюсси-паши, пробравшагося съ Шипки въ Филиппополь. Свѣдѣнія о положеніи русскихъ, перешедшихъ Балканы, собранныя Сулейманомъ въ Адрианополѣ, не отличались особенной точностью и опредѣлительностью: такъ, адрианопольскія власти повторили только свѣдѣнія, заключавшіяся въ вышеприведенной телеграммѣ; губернаторъ Чирпана телеграфировалъ, что русскіе находятся въ разстояніи четырехъ часовъ отъ этого города. Реуфъ-паша сообщалъ, что Филиппополь въ опасности; Савфеть-паша изъ Филиппополя — что русскіе заняли Эски-Загру; наконецъ, комендантъ Тырнова-Сейменли — что 15,000-й не-пріятельскій отрядъ готовится напасть на эту станцію. Въ виду всѣхъ этихъ слуховъ, Сулейманъ приказалъ перевезти свой отрядъ на станцію Кара-Бунаръ, и 15-го іюля съѣхался съ Реуфомъ въ Радинѣ⁽¹⁾ для совѣщанія съ этимъ генераломъ о планѣ будущихъ дѣйствій.

Такъ какъ Сулейманъ-паша не имѣлъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній ни о силахъ противника, ни о мѣстности, въ которой предстояло дѣйствовать, то ему, по его мнѣнію, приходилось вполнѣ положиться на свѣдѣнія, сообщенныя въ этомъ отношеніи Реуфомъ, которому вверена была защита Балкановъ до прибытія Сулеймана, и который, по этому, долженъ былъ имѣть обстоятельныя данныя для составленія плана.

Реуфъ, по словамъ Сулеймана, сообщилъ ему, что главныя силы русскихъ сосредоточились въ этотъ моментъ въ Эски-Загрѣ, поэтому Сулейманъ и рѣшился прежде всего овладѣть этимъ пунктомъ.

Сераскеріатъ въ своихъ телеграмахъ Сулейману настойчиво указывалъ ему на необходимость полного обезпеченія Іени-Загры, какъ пунктъ прикрывающаго начало коммуникаціонной желѣзно-дорожной линіи его сряда. Въ виду этого, Сулейманъ, по его показанію, былъ того мнѣнія, что дивизія Реуфа-паши должна оставаться въ Іени-Загрѣ; Реуфъ, основываясь на своемъ знаніи положенія дѣлъ въ данную минуту, ручался будто бы въ томъ, что для указанной цѣли совершенно достаточно будетъ оставить въ Іени-Загрѣ три баталіона. Сулейманъ согласился съ его доводами, и въ Радинѣ рѣшено было, что и дивизія Реуфа приметъ участіе въ атакѣ Эски-Загры⁽²⁾.

(1) На половинѣ разстоянія между Кара-Бунаромъ и Іени-Загрой, на ли-
желѣзной дороги.

(2) Напоминимъ читателю, что въ это время, т. е. въ срединѣ іюля, въ Эс-

Наступленіе на Эски-Загру должно было начаться 17-го іюля, тремя колоннами: Реуфа—изъ Іени-Загры, Сулеймана—изъ Кара-Бунара и Хулюсси-паши—изъ Чирпана. Пунктомъ соединенія колоннъ назначено было, по показанію Сулеймана, селеніе Арабаджикіой, къ которому всѣ три колонны должны были прибыть въ ночь съ 17-го на 18-е.

Изъ телеграммы Сулеймана въ сераскеріатъ, отправленной по этому поводу, слѣдуетъ, что составъ колоннъ былъ таковъ:

Колонна Сулеймана 41 баталіонъ (15,000, по словамъ Сулеймана), 5 орудій, 2 эскадрона регулярной кавалеріи и 200 иррегулярныхъ всадниковъ; колонна Реуфа—11 баталіоновъ, 5 батарей и 3,000 черкесовъ; колонна Хулюсси — 7 баталіоновъ, одна горная батарея и 150 кавалеристовъ.

Средняя колонна Сулеймана выступила изъ Кара-Бунара 17-го утромъ въ слѣдующемъ порядкѣ: бригада Шукри-паши съ кавалеріей составляла авангардъ; главные силы двигались по бригадно: на правомъ флангѣ бригада Реджеба-паши, въ центрѣ бригада Аарифи-паши, на лѣвомъ—бригада Вессели-паши; затѣмъ, двигался обозъ и, наконецъ, весь походный порядокъ замыкался бригадой Сали-паши.

17-го іюля Сулейманъ, не смотря на свое предположеніе, не дошелъ до Арабаджикіой до наступленія темноты и, считая ночное движеніе вблизи противника опаснымъ приказалъ своей колоннѣ заночевать, не доходя названнаго пункта ('). Въ этотъ первый день движенія, по показанію Сулеймана, имъ были посланы въ Іени-Загру одинъ изъ иррегулярныхъ жителей этого города и два черкеса, которые вернулись лишь на слѣдующій день вечеромъ и сообщили о взятіи русскими Іени-Загры.

18-го іюля движеніе продолжалось въ прежнемъ порядкѣ, но очень медленно, потому, будто бы, что не получалось никакихъ извѣстій отъ Реуфа. Рано утромъ въ этотъ день слышно было нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, но это были лишь авангардъ передоваго отряда: 4 дружины болгарскаго ополченія, 15 эскадроновъ и сотенъ слабаго состава, 8 конныхъ и 4 горныхъ орудій; затѣмъ, остальные силы генерала Гурко были расположены въ Казанлыкѣ, а къ Амзикою была выдвинута бригада 9-й пѣхотной дивизіи, тоже подчиненная генералу Гурко.

(') Сулейманъ не указываетъ точно мѣсто перваго своего ночлега, но, судя потому, что 18-го вечеромъ онъ остановился немного впереди Арабаджикіой, надо предполагать, что 17-го онъ прошелъ около половины разстоянія между Кара-Бунаромъ и Арабаджикіою, т. е. верстъ 12 или 13; такая медленность движенія происходила оттого, что вышеуказанный походный порядокъ турокъ, приближавшійся скорѣе къ боевому, не позволялъ имъ двигаться по дорогѣ, а заставлялъ идти цѣпкомъ по полямъ.

ныхъ выстрѣловъ со стороны одного изъ отроговъ Малыхъ Балкановъ. По показанію Сулеймана, онъ не зналъ, чѣмъ объяснить эти выстрѣлы; въ отрядѣ его были по этому поводу различные толки: одни предполагали, что это хитрость русскихъ (?); другіе—что это выстрѣлы въ колоннѣ Реуфа (¹). Сулейманъ, по его словамъ, никакъ не могъ допустить той мысли, чтобы Реуфъ находился въ направленіи, откуда слышались выстрѣлы; на всякій случай онъ объявилъ Реджебу-пашѣ, что если бы это невѣроятное, по его мнѣнію, предположеніе оправдалось, то ему съ бригадой придется идти на помощь Реуфу; на это Реджебъ возразилъ, что онъ не знаетъ куда идти, а Сулейманъ, съ своей стороны, не рѣшился, будто бы, отправить его по неизвѣстному никому направленію.

Между Арабаджикіюемъ и Эски-Загрюй, колонна Сулеймана была встрѣчена противникомъ и продолжала движеніе, оттѣсняя его къ Эски-Загрѣ (²). На ночлегъ турки остановились немного впереди Арабаджикіюя, причѣмъ передовыя ихъ части построились въ боевой порядокъ и простояли всю ночь подъ ружьемъ.

На третій день (19-го іюля) Сулейманъ снова услышалъ нѣсколько выстрѣловъ (³) въ прежнемъ направленіи и послалъ, по его показанію, своего адъютанта (Джебаръ-Эффенди) съ 10 или 15 всадниками для отысканія Реуфа. Джебаръ-Эффенди вернулся назадъ часа черезъ два съ небольшимъ и донесъ Сулейману, что онъ отъѣхалъ па два часа разстоянія вправо отъ Арабаджикіюя, но Реуфа нигдѣ не видѣлъ, а наткнулся на русскихъ, почему и вернулся назадъ (⁴). Тогда Сулейманъ-паша потерялъ, по его словамъ, всякую надежду соединиться съ Реуфомъ. Зная уже о паденіи Іени-Загры, онъ предполагалъ, будто бы что оставленные тамъ три баталіона разбиты, а Реуфъ-паша, двигаясь параллельно линіи желѣзной дороги, находится гдѣ нибудь на высотѣ Радшы, гдѣ и остановился на отдыхъ, но вскорѣ подойдетъ къ колоннѣ Сулеймана съ тыла. Такъ какъ въ это время получено было извѣстіе о приближеніи колонны Хулюсси-паши, то Сулейманъ, считая себя достаточно сильнымъ, отдалъ приказаніе атаковать Эски-Загру.

(¹) Въ указанное время выстрѣлы могли быть слышны или отъ Іени-Загры гдѣ начался бой отряда ген. Гурко, или отъ Кара-Бунара (на Іени-загрскомъ шоссе), гдѣ началась перестрѣлка кавалеріи Герцога Лейхтенбергскаго съ колоной Реува-паши.

(²) То были сотни 26-го казачьяго полка.

(³) Эти выстрѣлы означали артилерійскій бой казаковъ и гусаровъ авангарда передоваго отряда съ Реуфомъ пашой, бивалировавшимъ у Джуранли.

(⁴) Это были гусарскіе и драгунскіе развѣзды изъ кавалеріи Герцога Лейхтенбергскаго, высланные въ развѣзъ обвѣхъ непріятельскихъ массъ.

Во время наступленія отъ Кара-Бунара, по мнѣнію Сулеймана, не было никакой возможности держать связь съ боковыми колоннами, такъ какъ онѣ были очень далеко въ сторонѣ. Сулейманъ старался убѣдить судей въ томъ, что если бы всѣ три колонны выступили изъ ближайшихъ окрестностей Кара-Бунара, то было бы возможно войти съ ними въ связь. но всѣ колонны выступили изъ пунктовъ весьма отдаленныхъ другъ отъ друга (1).

Сверхъ того, онъ указывалъ и на то, что не было возможности поддерживать связь посредствомъ кавалеріи средней колонны, такъ какъ ея было очень мало: изъ 400 зейбековъ никогда нельзя было собрать вмѣстѣ и десятерыхъ, по прибытіи же въ Эски-Загру они окончательно разсѣялись; черкесы занимались исключительно грабежомъ, регулярная же кавалерія, всего 150 всадниковъ, шла въ авангардѣ (2).

Во время совѣщанія въ Радинѣ, Сулейманъ узналъ, что при Іени-Загскомъ отрядѣ находится около 3,000 (3) черкесовъ и просилъ Реуфа дать ему половину ихъ; Реуфъ согласился и передалъ объ этомъ черкесскимъ старшинамъ, но тѣ отвѣчали, что не могутъ раздѣлиться и будутъ дѣйствовать не иначе, какъ всѣ вмѣстѣ. Затѣмъ Сулейманъ, по его показанію, слышалъ, что когда у Реуфа началось серьезное дѣло съ русскими, то большая часть черкесовъ разбѣжалась въ разныя стороны.

Съ русской пѣхотой колонна Сулеймана встрѣтилась въ одномъ часѣ разстоянія отъ Эски-Загры, у деревни Ковиджакли, окруженной холмами, на которыхъ и расположились противникъ. Турецкія войска востропились въ боевой порядокъ такимъ образомъ: правый флангъ

(1) Отъ Кара-Бунара до Іени-Загры около 40 верстъ, такое разстояніе и отъ Кара-Бунара до Чирпана. Обращаемъ вниманіе читателей на этотъ оригинальный взглядъ Сулеймана относительно поддержанія связи между колоннами.

(2) По вопросу о числѣ имѣвшейся у него кавалеріи Сулейманъ давалъ показанія весьма противорѣчивыя: въ одной изъ своихъ телеграмъ сераскериату онъ сообщаетъ, что у него два эскадрона регулярной кавалеріи и 200 чел. иррегулярной; итѣмъ, на допросѣ онъ то показываетъ, что у него было три эскадрона (два были взяты у Реуфа, какъ будетъ видно ниже), то всего 150 кавалеристовъ. Будно замѣтить, что какъ Сулейманъ, такъ и прочіе паши вовсе не принимаютъ въ расчетъ массу иррегулярныхъ войскъ, сопровождавшихъ ихъ отряды.

(3) Ту же цифру черкесовъ находимъ и въ одной изъ телеграмъ военного министра Сулейману. Реуфъ, какъ увидимъ ниже, утверждаетъ, что при его отрядѣ никогда не было такой массы черкесовъ; Мехмедъ-паша, бригадный генералъ дивизіи Реуфа, опредѣляетъ цифру кавалеріи Іени-Загскаго отряда въ 300 черкесовъ и 300 баши-бузукъ; но Сулейманъ-паша представилъ суду телеграму Реуфа отъ 10-го іюня, въ которой послѣдній сообщаетъ, что кромѣ пѣхоты и артилеріи при его отрядѣ находится 1,500 черкесовъ. Последнее показаніе подтверждается и свидѣніями Эски Загривскаго отряда.

составляла 2-я бригада, лѣвый—3-я бригада, центръ—4-я. Сулейманъ говоритъ, что онъ не зналъ въ точности, гдѣ сосредоточены главныя силы противника; мѣстность же передъ Эски-Загрой не позволяла этого видѣть: мѣстность эта, будто бы, довольно плоская, но сильно пересѣченная и закрытая (¹) массой садовыхъ деревьевъ: поэтому для атаки города назначены были только три бригады; 5-я же оставлена въ резервъ. 3-й бригадѣ приказано было обойти городъ съ лѣва, а 4-й атаковать его съ фронта; при этомъ имѣлось въ виду занять холмы къ сѣверу отъ Эски-Загры и казанлыкскую дорогу.

Затѣмъ, замѣтивъ, будто бы, что наибольшая масса противника находится противъ 2-й, право-фланговой бригады, Сулейманъ подкрѣпилъ ее нѣсколькими баталіонами 5-й, а затѣмъ и 4-й бригады, противъ которой были незначительныя лишь силы (²).

Бой съ русскими продолжался въ теченіе шести часовъ; затѣмъ приходилось еще справляться съ мѣстными жителями болгарами, засѣвшими въ каменныхъ домахъ, храмахъ, магазинахъ и повсюду гдѣ только можно было; поэтому, турецкія войска могли проникнуть въ городъ только черезъ турецкій кварталъ. Сулейманъ говоритъ, что болгары ничего еще не знали о пораженіи и отступленіи русскихъ и потому (?) продолжали упорно сопротивляться; ихъ было чрезвычайно трудно выбить изъ города; турки теряли очень много людей въ узкихъ и кривыхъ улицахъ болгарскаго квартала; въ концѣ концовъ, городъ вполнѣ былъ очищенъ лишь 20-го числа вечеромъ. Въ теченіе боя, по словамъ Сулеймана, деревья не позволяли опредѣлить число русскихъ, такъ что онъ предполагалъ въ то время, что ихъ было 12 баталіоновъ; лишь впоследствии онъ, будто-бы, узналъ, что Эски-Загру занимала дивизія пѣхоты (?) съ пятью или шестью (³) ты

(¹) Одинъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба передоваго отряда сообщилъ намъ, что на самомъ дѣлѣ мѣстность къ юго-востоку отъ Эски-Загры вполне удобна для обозрѣнія.

(²) Сулейманъ ни слова не говоритъ о томъ, гдѣ была во время боя 1-я бригада; вѣроятно, она оставалась назади, при обозѣ; не упоминаетъ онъ и о бригадѣ Хулусси-паша, но это потому, что она подошла къ городу уже послѣ боя.

(³) Тотъ же офицеръ генеральнаго штаба передоваго отряда сообщилъ намъ свой разговоръ съ Зеки беемъ, однимъ изъ адъютантовъ Сулеймана изъ котораго выяснилось, какими именно образомъ турки опредѣляли наши силы подъ Эски-Загрой: оказывается, что при этомъ они были введены въ заблужденіе различными номерами на погонахъ нашихъ убитыхъ, такъ какъ это рѣдкое служило для нихъ признакомъ существованія различныхъ частей въ ихъ отрядахъ; на самомъ же дѣлѣ, различные номера на погонахъ носились и ровными офицерами и нижними чинами того же болгарскаго ополченія. Такой способъ опредѣленія состава нашихъ отрядовъ подтверждается однимъ изъ дѣйствительныхъ показаній Сулеймана.

сячами болгаръ. Послѣ боя, часть этихъ силъ отступила на Казанлыкъ, другая, большая часть, на Лени-Загру (1).

Вообще, по словамъ Сулеймана, онъ былъ поставленъ въ невозможность получить точныя свѣдѣнія о силахъ противника и о направленіи, имъ принятомъ; ни одинъ болгаринъ не соглашался служить ему; были такіе, что брали деньги и уходили къ русскимъ; мусульмане же были до такой степени напуганы, что ни за что не соглашались идти куда бы то ни было. По мнѣнію Сулеймана, въ прошлой войнѣ не было ни одного турецкаго генерала, который могъ бы собрать какія нибудь свѣдѣнія о противникѣ черезъ шпионовъ.

Преслѣдованіе русскихъ послѣ боя производилось только 3-й бригадой, въ направленіи на Казанлыкъ, до сел. Дербентъ.

19-го іюля, т. е. во время боя, Сулейманъ получилъ слѣдующее сообщеніе кара-бунарскаго коменданта:

«По показаніямъ одного поручика и семи черкесовъ, спасшихся изъ Лени-Загры, русскіе сегодня, 18-го, заняли этотъ городъ; фактъ этотъ подтверждается и нѣсколькими чиновниками желѣзно-дорожной станціи въ Лени-Загрѣ; они же сообщаютъ, что русскіе намѣреваются захватить Кара-Бунаръ».

Затѣмъ, первое извѣстіе о пораженіи Реуфа, Сулейманъ, по его словамъ, получилъ лишь въ ночь съ 19-го на 20-е іюля. Черкесь, по имени Хаджи-бей, прибылъ отъ Реуфа; «какъ кажется, онъ былъ посланъ Реуфомъ очень рано въ этотъ день, 19-го, но пріѣхалъ въ Эски-Загру очень поздно, говоритъ Сулейманъ».

«Я былъ въ это время, продолжаетъ онъ, на одномъ изъ холмовъ по дорогѣ къ Казанлыку; Хаджи-бей подъѣхалъ ко мнѣ и говоритъ, что Реуфъ окруженъ русскими въ этомъ лѣсу. «Въ какомъ лѣсу? спросилъ я». «Въ этомъ, отвѣчалъ черкесь» (2). «Я тотчасъ же началъ его разспрашивать о подробностяхъ дѣла, такъ какъ узналъ въ немъ одного изъ приближенныхъ Реуфа, котораго даже видѣлъ при немъ во время нашего свиданія въ Радинѣ. Хаджи-бей все увѣрялъ меня, что Реуфъ находится въ одной изъ окрестныхъ рощъ. Я тотчасъ же послалъ своего адъютанта къ Хулюсси-пашѣ, съ приказаніемъ

(1) Известно, что два полка нашей кавалеріи съ конной батареей и вводомъ легкой № 10 батареи прорвались къ Джуранли, на соединеніе съ отрядомъ генерала Гурко.

(2) Холмъ, на которомъ, по всей вѣроятности, стоялъ Сулейманъ-паша, находится въ разстояніи семи верстъ отъ Джуранліискаго лѣса, послѣдній же, по свойствамъ мѣстаости къ востоку отъ Эски-Загры, долженъ былъ быть видѣнъ камъ на ладони.

последнему взять Хаджи-бея, въ видѣ проводника, и немедленно вести бригаду на помощь Реуфу».

Хулюсси-паша былъ въ это время у южной стороны города: поэтому адъютантъ Сулеймана, по словамъ послѣдняго, прибылъ къ нему уже къ ночи. Хулюсси пригласилъ черкеса показать ему дорогу, но тотъ, будто бы, не хотѣлъ ѣхать, ссылаясь на усталость своей лошади; безъ него же, не зная, гдѣ былъ въ это время Реуфъ. Хулюсси, будто бы, не рѣшался двигаться, тѣмъ болѣе, что наступила темная ночь; между тѣмъ, Хаджи-бей исчезъ. Хулюсси донесъ объ этомъ Сулейману, сообщая, что бригада его готова къ движенію и испрашивалъ приказаній; Сулейманъ, будто бы, приказалъ ему разыскивать черкеса, в если поиски ни къ чему не приведутъ, — ждать до утра.

На другой день (20-го), Сулейманъ послалъ нѣсколько разъѣздовъ на рекогносцировку; всѣ они вернулись, не найдши Реуфа; видѣли только трупы и оружіе, оставленныя его дивизіей на полѣ сраженія. Только тогда, по словамъ Сулеймана, ему стало ясно, что Реуфъ разбитъ русскими. Затѣмъ, почти одновременно, онъ получилъ извѣстіе объ отступленіи Реуфа къ Кара-Бунару.

Такова сущность перваго показанія Сулеймана объ эски-загринской операциіи.

Считаемъ необходимымъ привести теперь письменное показаніе Реуфа по тому же дѣлу, такъ какъ оба эти показанія на столько противорѣчатъ другъ другу, что согласить ихъ нѣтъ никакой возможности; оно совершенно понятно въ виду того, что главнымъ обвинителемъ Сулеймана является Реуфъ-паша, по инициативѣ котораго возникъ и самый процессъ.

Показаніе Реуфа, подобно Сулеймановскому, приводится въ извлеченіи.

Реуфъ, по его словамъ, сообщалъ Сулейману о сосредоточеніи значительныхъ силъ противника противъ Іени-Загры, указывалъ ему даже на вѣроятность наступленія русскихъ къ Киръ-Килисѣ черезъ Сливно и Ямболи, которые охранялись лишь нѣсколькими баталіонами. Реуфъ, по его показанію, понималъ важность Іени-Загры и никогда бы не соглашался съ тѣмъ, что для ея обезпеченія достаточно трехъ баталіоновъ; въ доказательство этого, Реуфъ указывалъ на то обстоятельство, что, отправляясь на свиданіе въ Радинѣ, онъ ввзялъ съ собою только бригаду Савфета-паши (1), оставивъ въ Іени-Загрѣ — цѣ

(1) Характеристичная черта: двое турецкихъ генераловъ отправляются за 20 версты на совѣщаніе о планѣ дѣйствій; одинъ изъ нихъ, Реуфъ, беретъ себя въ конвой цѣлую бригаду пѣхоты и массу кавалеріи, другой, Сулейманъ, пять баталіо-

луду бригаду Мехмеда-паши съ батареей артилеріи и 200 черкесовъ; и этихъ силъ, по его мнѣнію, было едва достаточно для обезпеченія города.

Во время пребыванія въ Радинѣ, Реуфъ получилъ изъ Лени-Загры телеграмму о приближеніи русской кавалеріи къ этому пункту; дажѣ о томъ, что Мехмедъ-паша съ черкесами и пѣхотой выступилъ ей на встрѣчу и отгѣснилъ ее. Все это, по мнѣнію Реуфа, должно было показать Сулейману, что русскіе собираются овладѣть Лени-Загрой.

Не смотря на это, Сулейманъ приказалъ ему оставить для обезпеченія Лени-Загры только три баталіона, два орудія и нѣсколькихъ кавалеристовъ; остальнымъ же силамъ, въ числѣ двѣнадцати баталіоновъ, четырехъ батарей, одного эскадрона регулярной кавалеріи и 300 черкесовъ (1), двигаться по Лени-Загра—Эски-Загринскому шоссе—для атаки послѣдняго пункта.

Лени-загринскій отрядъ состоялъ изъ баталіоновъ мустахфиза и ре-ифа; солдаты были не боевые, притомъ же четыре баталіона были вооружены капсюльными ружьями; такія войска, замѣчаетъ Реуфъ, не могли бы успѣшно драться даже съ черногорцами и ужь, конечно, нигуда не годились противъ русскихъ.

Нѣсколько разъ предлагалъ онъ Сулейману перемѣшать (?) солдатъ его дивизіи съ боевыми солдатами Сулеймана и сформировать такимъ образомъ двѣ дивизіи; Сулейманъ не обратилъ вниманія на это предложеніе.

Въ Радинѣ Реуфъ, будто бы, сообщалъ Сулейману о положеніи русскихъ у Хайнъ-Богазы и просилъ у него подкрѣпленій; вмѣсто просимой бригады, Сулейманъ далъ ему всего два баталіона, но за то взялъ изъ его отряда два эскадрона регулярной кавалеріи изъ трехъ. Въ Лени-Загрѣ Реуфу было, будто бы, приказано оставить три баталіона, изъ коихъ одинъ вооруженный капсюльными, а два—игольчатыми ружьями; остальной затѣмъ отрядъ долженъ былъ, по словамъ Реуфа, двигаться по шоссе, соединиться съ Сулейманомъ у Эски-Загры. Реуфъ, будто бы, спросилъ, гдѣ Сулейманъ предполагаетъ ночевать въ 1-й день движенія; послѣдній отвѣчалъ, что такъ какъ, суди по картѣ, вода имѣется

возвѣ и все это только вслѣдствіе того, что непріятельскіе разъѣзды появлялись близъ пункта, выбраннаго для совѣщанія.

(1) Въ опредѣленіи численности Лени-Загринскаго отряда есть разница между показаніями Сулеймана и Реуфа. Въ этомъ отношеніи имѣтъ возможность уловить дѣйствительную цифру какого бы то ни было турецкаго отряда; Сулейманъ нѣсколько разъ противорѣчилъ себѣ даже относительно силы и состава своего собственнаго отряда,—обстоятельство нисколько, повидимому, не порочившее членовъ трибунала.

только въ Сукутли-Дере (1), то онъ и предполагаетъ бивакировать въ этомъ мѣстѣ. Тогда Реуфъ, по его словамъ, замѣтилъ, что шоссе изъ Лени въ Эски-Загру проходитъ слишкомъ близко къ Малымъ Балканамъ, которыми владѣютъ русскіе и что по этой причинѣ и его отряду лучше было бы двигаться сначала къ Сукутли-Дере, откуда идти къ Эски-Загрѣ вмѣстѣ съ Сулейманомъ. Послѣдній будто не согласился на это предложеніе.

Согласно приказанія, Реуфъ выступилъ изъ Лени-Загры, 17-го утромъ, по шоссе и послѣ 6-ти—7-ми часовъ движенія остановился на отдыхъ у фермы Кара-Бунаръ (на шоссе). Начавъ снова движеніе, турки увидѣли не вдалекѣ передъ собою русскихъ, съ которыми и начали артилерійскій бой; послѣ часовой канонады (2) непріятель отступилъ (3). Такъ какъ къ этому времени Реуфъ подошелъ къ мѣсту будто бы назначенному Сулейманомъ по картѣ для ночлега Лени-Загринскаго отряда, то наступленіе и не возобновлялось въ этотъ день.

18-го іюля при самомъ началѣ движенія турки были атакованы непріятелемъ, въ числѣ, по словамъ Реуфа, двухъ полковъ кавалеріи нѣкотораго количества (?) пѣхоты и двухъ батарей (4). Послѣ довольно продолжительной канонады, Реуфъ приказалъ червесамъ атаковать противника, который тотчасъ же будто бы отступилъ. Реуфъ продолжалъ наступленіе и подошелъ на 2½ часа разстоянія къ Эски-Загрѣ, какъ вдругъ услышалъ выстрѣлы въ тылу, со стороны Лени-Загры. Онъ тотчасъ же послалъ туда нѣсколькихъ всадниковъ: въ это время русскіе отъ Эски-Загры стали опять насѣдать (5). Турки от-

(1) Такъ называется ручей, на которомъ расположено селеніе Арабаджиніо по словамъ Сулеймана, назначенное сборнымъ пунктомъ всѣхъ трехъ колоннъ.

(2) Съ нашей стороны канонаду вела одна конная батарея изъ авангарда передоваго отряда.

(3) Въ дѣйствительности дѣло было такъ: при встрѣчѣ нашего отряда Реуфомъ конная батарея завязала перестрѣлку, болгарское ополченіе начало развѣртываться въ боевой порядокъ, а кавалерійская колонна двинулась въ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга для атаки перешедшихъ было въ наступленіе войскъ; это обходное движеніе и заставило турецкую пѣхоту отойти къ своей артилеріи, но въ то же время полученное донесеніе о наступленіи Сулеймана заставило, въ свою очередь, побудило и нашъ отрядъ отступить къ Дальбоку.

(4) Въ дѣйствительности съ нашей стороны было: 12 вскадроновъ, 1 сота казаковъ и 6 конныхъ орудій; болгарское ополченіе, горныя орудія и остальные казаки еще въ ночь съ 17-го на 18-е іюля собрались у самой Эски-Загры. Явно турки приняли за пѣхоту нашихъ спѣшенныхъ драгуновъ, занявши рощу на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

(5) Это показаніе Реуфа справедливо, но при этомъ обращаемъ вниманіе читателей на тотъ фактъ, что такая борьба, съ 6-ти часовъ утра до 5-ти часовъ вечера, происходила между весьма солиднымъ отрядомъ Реуфа, численностью около 8,000 и нашимъ слабымъ отрядомъ въ 900 коней.

шли уже къ этому времени на разстояніе семи часовъ Загры.

По прибытіи въ Джуранли, Реуфъ послалъ нѣсколько рочныхъ отрядовъ, которые нигдѣ, будто бы, не замѣнилъ (¹). Такъ какъ въ Джуранли было много жителей, Реуфъ вызвалъ изъ нихъ желающихъ отнести записку (рядъ котораго, по словамъ Реуфа, былъ такъ близко, что вдали видѣнь былъ дымъ и бивачные огни; затѣмъ онъ отправилъ Сулейману записку такого содержанія: «Я въ Джуранли и поджидаю васъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ послано было чересовъ.

19-го іюля, часъ спустя послѣ начала Джуранлийской битвы, прибылъ турокъ, отправленный наканунѣ къ Сулейману, сообщившій о приближеніи Сулеймана. Весь отрядъ Реуфа не смѣлъ ожидать его прибытія, такъ какъ въ это время силы русскихъ наступали со стороны Лени-Загры; силы же, по словамъ Реуфа, простирались до 15—20 баталіоновъ артиллеріи и 4-хъ полковъ кавалеріи (²). Въ виду этого своего показанія, Реуфъ сослался на сказанное еще прежде отряда самимъ генераломъ Гурко (?).

Вскорѣ къ Реуфу, по его словамъ, прискакалъ кавалеріецъ, сообщившій о приближеніи Сулеймана. Между тѣмъ, Реуфъ только не прислалъ ни одного баталіона на помощь, но, по словамъ Реуфа, тѣмъ, что русскіе сосредоточились противъ Лени-Загринскаго отряда, занялъ Эски-Загру. «Я думаю, что въ Эски-Загрѣ у русскихъ было лишь нѣсколько орудій, одна батарея и два полка кавалеріи; подъ конецъ битвы двинулась даже кавалерія и орудія, только что прибывшія въ Эски-Загру» (³).

Два раза, какъ говоритъ Реуфъ, посылалъ онъ къ Сулейману адъютантовъ съ просьбой о помощи; одинъ изъ нихъ не успѣлъ привезъ извѣстіе, что Сулейманъ будто бы подо-

(¹) Это очевидный вымыселъ или самого Реуфа или его отряда. На 19-е іюля наши развѣды охватили все бивачное пространство отряда въ Джуранли.

(²) Отрядъ, овладѣвшій Лени-Загрой, состоялъ, какъ извѣстно, изъ 22 орудій и 4 сотенъ казаковъ.

(³) Это было, какъ выше сказано, тѣ полки, которые послѣ битвы въ Эски-Загрѣ болгарскаго ополченія въ 2 часа дня прорвались къ Гурко.

(⁴) Рядъ подобныхъ донесеній только и можно объяснить тѣмъ,

уже было поздно: отрядъ Реуфа потерялъ убитыми и ранеными около 1,200 человекъ (по показанію самого Реуфа), а на орудіе не оставалось даже и по пяти зарядовъ.

Сулейманъ-паша не оставилъ обвиненія Реуфа безъ возраженій и показалъ по этому поводу слѣдующее:

Въ день прибытія его въ Деде-Агачъ, каймакамъ сераскеріата телеграфировалъ, что дивизія Реуфа подчиняется ему, Сулейману; то же самое сообщено было сераскеріатомъ и Реуфу, на что послѣдній выразилъ желаніе оставить Іени-Загру и соединиться съ Сулейманомъ въ Тырново-Сейменли и оттуда предпринять общее наступленіе противъ русскихъ.

По этому поводу Сулейманъ получилъ слѣдующую телеграмму изъ сераскеріата, отъ 10-го іюня:

«Мы не понимаемъ, почему Реуфъ, обладая достаточными силами, не только не желаетъ ничего предпринять противъ Эски-Загры, но не хочетъ произвести даже рекогносцировку въ этомъ направленіи и проситъ позволенія отступить къ Тырново-Сейменли.

«Желательно, чтобы Кара-Бунарская станція была занята какимъ нибудь отрядомъ; чтобы Реуфъ-паша оставался въ Іени-Загрѣ; чтобы было обращено вниманіе на положеніе Сливны и чтобы ваше превосходительство употребили все усилія для остановки дальнѣйшаго наступленія противника до тѣхъ поръ, пока сами начнете наступать.

«Для достиженія этой цѣли, Реуфу-пашѣ слѣдовало бы произвести усиленную рекогносцировку въ направленіи на Казанлыкъ и Эски-Загру».

На это Сулейманъ отвѣчалъ въ сераскеріатъ 11-го іюля такимъ образомъ:

«Реуфъ сообщилъ мнѣ, что дивизія его состоитъ изъ редифовъ и мустахфиза, мало годныхъ къ бою. Поэтому я не надѣюсь, чтобы онъ произвелъ рекогносцировку (1) къ Казанлыку и Эски-Загрѣ, и буду очень счастливъ, если онъ будетъ въ состояніи удержаться въ Іени-Загрѣ. Во всякомъ случаѣ я передалъ ему ваши приказанія».

Реуфа не дождавши до Сулеймана, встрѣчая на своемъ пути наши разѣзды; тотъ фактъ, что Сулейманъ совсѣмъ и не шелъ на помощь къ Реуфу подтверждаетъ наше предположеніе; видя же издали наступленіе Сулеймана къ Эски-Загрѣ посланцы Реуфа очень легко могли принять направленіе правой колонны подающимся къ створу Джурали.

(1) Дѣйствительно, Сулейманъ представилъ суду телеграмму Реуфа, въ которой тотъ указываетъ на невозможность произвести рекогносцировку съ 7—8 баталіонами; спрашивается, какія же силы нужны были Реуфу для исполненія рекогносцировки?

Затѣмъ, сераскериатъ снова указывалъ на важность Іени-Загры и на необходимость прочно обезпечить этотъ пунктъ.

Находясь въ Іени-Загрѣ, пунктѣ самомъ близкомъ къ занятому противникомъ району, Реуфъ-паша, по мнѣнію Сулеймана, долженъ былъ лучше всякаго другого знать положеніе противника; между тѣмъ и до, и во время совѣщанія въ Радинѣ, онъ всегда утверждалъ, что главные силы русскихъ сосредоточены въ Эски-Загрѣ (*).

Такимъ образомъ, движеніе Сулеймана къ этому пункту основывалось на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ Реуфомъ, будто бы ручавшемся за то, что передъ Іени-Загрой нѣтъ русскихъ и что городъ будетъ вполнѣ обезпеченъ, если для его защиты оставить три баталіона.

Въ доказательство своихъ словъ, Сулейманъ прочелъ нѣсколько телеграмъ Реуфа, въ которыхъ дѣйствительно идетъ рѣчь объ организациіи отряда изъ трехъ баталіоновъ для защиты Іени-Загры; но изъ телеграмъ этихъ вовсе не видно: рѣшилъ ли этотъ вопросъ такимъ образомъ самъ Реуфъ, по собственной инициативѣ, или подчинился только приказанію Сулеймана.

Затѣмъ, Сулейманъ указывалъ суду на то, что около 11-го іюля Реуфъ отправилъ изъ Іени-Загры въ Адрианополь весь военный матеріалъ, собранный въ этомъ пунктѣ; обстоятельство это, по мнѣнію Сулеймана, служитъ яснымъ доказательствомъ намѣренія Реуфа оставить Іени-Загру на произволъ судьбы или, вѣрнѣе, русскихъ; что наканунѣ выступленія Реуфа изъ Іени-Загры, онъ, будто бы, получилъ телеграму мутесарифа Ямболи Нафиза-бей, извѣщавшаго его о намѣреніи русскихъ атаковать Іени-Загру на разсвѣтъ слѣдующаго дня; Реуфъ, будто бы, не обратилъ вниманія на это предостереженіе.

На показаніе Реуфа о томъ, что онъ узналъ о взятіи Іени-Загры лишь тогда, когда выступилъ уже изъ фермы Кара-Бунаръ, Сулейманъ замѣчаетъ, что между этимъ пунктомъ и Іени-Загрой мѣстность совершенно плоская и открытая; нѣтъ даже ни одного деревца, которое бы могло мѣшать видѣть то, что дѣлается у Іени-Загры; что, слѣдовательно, Реуфъ долженъ былъ видѣть начало боя у Іени-Загры и, во всякомъ случаѣ, тотчасъ же вернуться къ ней, оставивъ противъ русскихъ, наступавшихъ отъ Эски-Загры, свою кавалерію, такъ какъ и у послѣднихъ была только кавалерія; если раньше онъ хотѣлъ во что бы то ни стало исполнить будто бы полученное изъ приказаніе

(*) Да оно такъ и было въ ту минуту съ тою лишь разницею, что кромѣ Эски-Загры былъ занятъ и Казанлыкъ. Все дѣло въ томъ, что ни Сулейманъ, ни Реуфъ не приняли, повидимому, въ соображеніе степени подвижности нашихъ войскъ.

идти прямо по шоссе на Эски-Загру, то будучи задерживаемъ противникомъ со стороны послѣдняго пункта, зная о взятіи Лени-Загры онъ, во всякомъ случаѣ, не долженъ былъ идти на Джуранли, а уклониться въ сторону Арабаджикюя, для соединенія съ Сулейманомъ; какъ начальникъ отряда Реуфъ-паша долженъ былъ, по мнѣнію Сулеймана, обладать инициативой въ такой мѣрѣ.

Далѣе, Сулейманъ обращалъ вниманіе суда на то, что онъ, будто бы, былъ въ полнѣйшей неизвѣстности относительно движенія и положенія Реуфа; что послѣдній ничего ему не сообщалъ о грозящей Лени-Загринскому отряду опасности; что съ его, Сулеймана, стороны было бы безумствомъ раздѣлять свой отрядъ и посылать часть его по неизвѣстному никому направленію только по той причинѣ, что гдѣ-то въ сторонѣ (?) послышалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ; наконецъ, онъ замѣчаетъ, что отрядъ, разбившій Реуфа, состоялъ всего изъ шести болгарскихъ дружинъ и одного баталіона русскихъ, чѣмъ, по его мнѣнію, и объясняется то обстоятельство, что Реуфъ избѣжалъ преслѣдованія; самому же Сулейману пришлось, по его словамъ, выдержать у Эски-Загры ожесточенный бой съ весьма серьезными силами русскихъ (?), доказательствомъ чему служить то, что на полѣ сраженія найдено будто бы было 3,000 труповъ русскихъ и болгаръ (!) и до 500 ружей, своевременно отосланныхъ въ Константинополь (!).

Для показаній по Эски-Загринской операціи было вызвано довольно много свидѣтелей; но вообще показанія ихъ не отличаются интересомъ, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже. Считаемо не лишнимъ привести цѣликомъ только одно, довольно характерное показаніе черкеса Хаджи-бея:

Въ воскресенье, 17-го іюля, двинулись мы изъ Лени-Загры съ отрядомъ изъ 250 черкесовъ (?) и 11 баталіоновъ мустахфиза. Я съ девятью черкесами шелъ впереди отряда, составляя его авангардъ. Пройдя часа два, мы встрѣтились съ развѣдомъ изъ 30-ти казаковъ, бросились на нихъ и убили троихъ (2); остальные убѣжали (?) (3). Затѣмъ

(1) Легко можетъ статься, что тамъ и дѣйствительно было столько труповъ, если считать и убитыхъ турками болгаръ жителей г. Эски-Загры, которые, какъ извѣстно, были поголовно истреблены въ теченіе 1½ сутокъ. Затѣмъ, что касается до препирательства Сулеймана относительно нашихъ силъ, дѣйствовавшихъ противъ него и противъ Реуфа, то оно представляется весьма комичнымъ.

(2) Кстати замѣтить, что трое убитыхъ найдены были на другой день обеглавленными и вообще со слѣдами звѣрскаго обращенія.

(3) Схватка эта была дѣйствительно, но не съ казаками, а съ развѣдами дивизіона Казанскихъ драгуновъ полковника Бѣлогрудова, высланныхъ еще на развѣдки для развѣдки къ Лени-Загрѣ; само собою разумѣется, что только пылака сант

руссіе начали стрѣлять изъ орудій съ шоссе; наша артилерія отвѣчала, а отрядъ продолжалъ движеніе. На ночлегъ остановились въ трехъ часахъ разстоянія отъ Эски-Загры.

«На другой день (18-го) мы выступили рано утромъ. Русская дивизія (?) хотѣла преградить намъ путь; завязалось артилерійское дѣло, а черкесы бросились въ атаку; потеряли двоихъ убитыми и нѣсколькихъ человекъ ранеными и убили множество (?) русскихъ; послѣ этого непріятель бѣжалъ (?), а мы продолжали движеніе. Въ этотъ день слышны были пушечные выстрѣлы со стороны Иени-Загры; но такъ какъ мы сами сражались (?), то не могли узнать (?) что тамъ происходило.

«Ночевалъ нашъ отрядъ въ лѣсу, въ часѣ разстоянія отъ Эски-Загры.

«На третій день, во вторникъ, Реуфъ написалъ записку и послалъ съ нею двухъ черкесовъ въ Иени-Загру.

«Тотчасъ же послѣ этого, огромный отрядъ (?) русскихъ подошелъ къ намъ со стороны Эски-Загры, съ праваго нашего фланга (1), и завязалъ съ нами бой. По мѣрѣ его развитія, къ русскимъ подходило все больше и больше подкрѣпленій. Тогда Реуфъ позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: «Ступай немедленно къ Сулейману, который долженъ быть вблизи, и скажи ему, что противникъ насъ тѣнитъ, и что я прошу подкрѣпленій». Я поѣхалъ, не зная, гдѣ искать Сулеймана. Къ югу отъ Эски-Загры я встрѣтилъ нѣсколькихъ черкесовъ, которые сказали мнѣ, что Сулейманъ атакуетъ Эски-Загру; я помчался за его отрядомъ и прибылъ въ городъ, когда бой уже кончился. Кучка болгаръ укрѣпилась въ церкви, но послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ и это дѣло окончилось и городъ окончательно былъ въ нашей власти. Сулейманъ я нашелъ за городомъ, на холмѣ, и сказалъ ему: «Отрядъ Реуфа окруженъ многочисленнымъ противникомъ; онъ тамъ — въ этомъ лѣсу, и я показалъ ему лѣсъ; разстояніе до него всего одинъ часъ; пошли ему подкрѣпленіе, я буду служить проводникомъ и мы; можетъ быть, еще успѣемъ во-время и побѣдимъ врага».

Но Сулейманъ мало заботился о моихъ словахъ; только два часа спустя онъ далъ мнѣ адъютанта и послалъ насъ къ одному изъ своихъ пашей. Цѣлый часъ мы искали нашу, такъ что наступила уже ночь, когда мы нашли его, и адъютантъ передалъ приказаніе Сулеймана идти

изъ черкеса узнана всѣ сообщаемыя мнѣ подробности о числѣ убитыхъ, бѣгствѣ драгунъ и т. п.

(1) То былъ Кіевскій гусарскій полкъ съ 2-ми орудіями, выдвинутый для содѣйствія конному дивизиону съ батареей, прибывшему со стороны Иени-Загры.

на помощь Реуфу. Паша отвѣчалъ, что ночью онъ не двинется безъ письменнаго приказанія; тогда адъютантъ опять уѣхалъ къ Сулейману, а же остался у пашы, которому подали между тѣмъ пить; пѣлыхъ 3¹/₂ часа предавался онъ этому занятію и я не видѣлъ въ немъ ни малѣйшаго желанія двинуться съ мѣста; спустя нѣкоторое время, онъ накормилъ меня и легъ спать. Ночь я провелъ съ черкесами, бивакировавшими вблизи. Утромъ, на другой день, опять не видно было ни малѣйшихъ приготовленій къ движенію. Тогда я сѣлъ на лошадь и вернулся на поле сраженія и увидѣлъ тамъ русскихъ, отступавшихъ съ большими потерями и оставившихъ массу различныхъ вещей на полѣ сраженія (?). Наша дивизія, также (?) разбитая, отступила, оставивъ много тѣлъ. Руководясь звукомъ рожковъ, я нашелъ Реуфа въ Кара-Бунарѣ, гдѣ и сообщилъ ему о пораженіи и отступленіи русскихъ. Реуфъ тотчасъ же послалъ на поле сраженія телѣги и приказалъ подобрать всѣ брошенные тамъ вещи. Изъ нашихъ черкесовъ было убито въ этомъ дѣлѣ (Джуранли) около сотни.

Самый тонъ показанія Хаджи-бен сразу обличаетъ въ немъ солдатушку и приближенное лицо Реуфа-пашы.

Остальные показанія цѣлой массы свидѣтелей ничего не выяснили по вопросу о сраженіи при Эски-Загрѣ и Джуранли; всѣ они крайне однообразны и вообще мало интересны, какъ уже было сказано выше; такой ихъ характеръ объясняется отчасти тѣмъ, что председатель суда нисколько не старался разнообразить своихъ вопросовъ.

Общая и весьма интересная черта большинства свидѣтельскихъ показаній состоитъ въ томъ, что свидѣтели ничего не знаютъ и ничего не помнятъ: не помнятъ чиселъ, въ которыя произошли такія-то и такія-то событія; ни мѣстъ, по которымъ они проходили; ни цѣли движенія,—вообще такихъ вещей, которыя должны бы на долго, если не на всегда, оставаться въ памяти участниковъ извѣстнаго событія. И если бы такимъ характеромъ отличались показанія младшихъ офицеровъ, то это было бы еще извинительно; но допрашиваемыя лица были бригадные генералы, командиры полковъ и не ниже командировъ баталіоновъ. Только показаніе Шукри-пашы отличается ясностью и полнотой, которыя и должны быть свойственны положенію въ арміи бригаднаго генерала.

Совсѣмъ другимъ характеромъ отличается все то, что говорилось на судѣ Сулейманомъ; его самозащита отличается, прежде всего, необычайной энергіей; не смотря на массу повтореній и, въ большей части случаевъ, отсутствіе документальныхъ и фактическихъ доказательствъ

его показаній, они отличаются большимъ остроуміемъ и даже извѣстнаго рода убѣдительностью.

Въ сущности, все у него вертится на чрезвычайно ловкой аргументаціи и разнаго рода чисто произвольныхъ предположеніяхъ и соображеніяхъ; но при этомъ все время проявляется такая памятьливость всего, что происходило во время кампаніи и говорилось на судѣ, такая энергія и самоувѣренность, что, не смотря на очевидную иногда ложь, Сулейманъ очень часто ставитъ своихъ судей втупицъ. Опровергая показанія Реуфа и другихъ свидѣтелей, Сулейманъ не оставляетъ безъ замѣчанія ни одного въ нихъ противорѣчія, ни одного слова, которое бы, даже не такъ истолкованное, могло подтвердить его собственныя показанія. Правда, не малую помощь въ этихъ случаяхъ оказываетъ ему колоссальное невѣжество судей во всемъ, что касается прошлой войны; они не имѣютъ рѣшительно никакого понятія ни о нашихъ силахъ, ни о нашихъ дѣйствіяхъ, хотя и могли бы узнать обо всемъ этомъ хотя бы изъ нашихъ источниковъ, изъ газетъ и вообще изъ всего, что было написано о кампаніи; даже о своихъ силахъ и ихъ расположеніи и дѣйствіяхъ, а также и о топографіи страны—судьи эти ничего не знаютъ. Обстоятельство это позволяетъ Сулейману настаивать на дѣйствительности фактовъ, очевидно ложныхъ, но не смотря на то, имѣющихъ извѣстную цѣну для его невѣжественныхъ судей. Какъ бы такъ ни было, но, повторяемъ, многія показанія Сулеймана звучатъ некоторою правдивостью. Во всякомъ случаѣ, дѣйствія его въ періодъ Эски-Загринской операціи вполне объяснимы: или нежеланіе помочь Реуфу, изъ ненависти къ послѣднему, или нерѣшительность его въ этомъ отношеніи, или даже можетъ и то, что онъ ничего, по его словамъ, не зналъ о положеніи Реуфа,—заставили Сулеймана идти прямо на Эски-Загру, не обращая вниманія на боковую колонну.

Совсѣмъ не тотъ видъ имѣетъ наступленіе Реуфа; съ перваго взгляда оно совсѣмъ необъяснимо. Въ одномъ изъ своихъ показаній Сулейманъ говоритъ, что Реуфъ пошелъ прямо на Эски-Загру потому, что хотѣлъ, такъ сказать, втихомолку овладѣть ею безъ помощи Сулеймана.

Все вышеприведенное, бросая нѣкоторый свѣтъ на дѣйствія турокъ въ эски-загринской операціи, не даетъ, все-таки, возможности придти къ безошибочнымъ заключеніямъ относительно ея подробностей; тѣмъ не менѣе, можно по этому поводу замѣтить слѣдующее:

Важется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что пунктомъ соединенія колоннъ Сулеймана, Реуфа и Хулюсси была назначена Эски-Загра, т. е. такой пунктъ, который былъ уже въ рукахъ противни-

ка. Дѣйствительно, если бы пунктомъ соединенія было назначено, какъ утверждаетъ Сулейманъ, сел. Арабаджикюй, то допуская даже, что Реуфъ самовольно уклонился отъ даннаго ему направленія, мы не имѣемъ никакого основанія сдѣлать то же предположеніе относительно колонны Хулюсси-паши. Сулейманъ, вѣдь, не обвиняетъ Хулюсси въ неисполненіи его приказаній, подобно Реуфу; изъ его показаній видно, что при соединеніи къ нему названнаго паши подѣ самой Эски-Загрой нисколько его не удивило; значить, такъ и должно было быть; а такъ какъ Реуфъ получилъ относительно своего наступленія такія же приказанія, какъ и Хулюсси, то значить и онъ былъ правъ, говоря, что пунктомъ соединенія назначена была Эски-Загра.

Затѣмъ, несомнѣнно, что между колоннами не было ни малѣйшей связи, чѣмъ и объясняется полная возможность того страннаго обстоятельства, что одна колонна сражается всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ другой, а послѣдняя ничего объ этомъ не знаетъ.

Наконецъ, замѣчательна необыкновенная медленность движенія турецкихъ войскъ: дѣйствительно, отъ Лени-Загры до Джуранли около 25 верстъ; отъ Кара-Бунара до Эски-Загры около 35 верстъ, и отъ Чирпана до того же пункта около 32 версты; разстоянія эти проходятся турками лишь послѣ двухъ съ половиною дней марша, и это при почти полномъ отсутствіи при войскахъ обоза (1); послѣднее видно изъ показанія самого Сулеймана.

Интересно въ этомъ отношеніи сравнить подвижность нашихъ войскъ: отрядъ генерала *Гурко* выступилъ изъ Казанлыка и Хаинкюя 17-го іюля, т. е. въ одинъ день съ началомъ движенія турецкихъ колоннъ 18-го взялъ съ боя Лени-Загру, нагналъ Реуфа и 19-го разбилъ его при Джуранли; при этомъ части отряда, выступившія изъ Казанлыка, должны были сдѣлать около 80 верстъ съ боемъ, изъ нихъ около 20 верстъ значительнаго горнаго перевала.

Положимъ, что движеніе Реуфа задерживалось нашими войсками, и Сулейманъ и Хулюсси были въ другихъ условіяхъ; послѣдній, сверхъ того, пользовался отличнымъ шоссе.

Вышеприведенныя выдержки изъ процесса Сулеймана заставляютъ насъ отнести съ величайшимъ уваженіемъ къ дѣйствіямъ нашего передоваго отряда за Малыми Балканами. Только при чтеніи показаній какъ самого Сулеймана, такъ и другихъ лицъ, становится вполне я-

(1) Въ одномъ изъ засѣданій суда Сулейманъ старался убѣдить Самиха-пашу въ значительности разстоянія между Арабаджикюемъ и Джуранли, которое равняется 6 километрамъ, и выразилъ убѣжденіе, что для прохожденія этого разстоянія его армія понадобилось бы 3 или 4 часа; значить, турки двигались бы скоростью 2 версты въ часъ и это безъ обоза!

вѣтнымъ то чрезвычайно трудное положеніе, въ которое былъ поставленъ передовой отрядъ, въ особенности же его авангардъ, занимавшій Эски-Загру въ теченіе 17-го, 18-го и 19-го іюля. По неволѣ приходится удивляться той энергіи, съ которой названный отрядъ сумѣлъ съ честью выдти изъ критическаго положенія.

Дѣйствительно, 4 дружины болгарскаго ополченія и 15 эскадроновъ и сотенъ, съ 12-ю орудіями, въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней съ успѣхомъ задерживаютъ движеніе противника, въ числѣ 12 баталіоновъ пѣхоты и массы черкесовъ; затѣмъ, обращаются противъ другаго неприятельскаго отряда изъ 40 баталіоновъ и оказываютъ ему упорное сопротивленіе въ теченіе шести часовъ! Въ то же время, главныя силы передоваго отряда изъ 9½ баталіоновъ, 22 орудій и 4 казачьихъ сотенъ, двигаясь съ чрезвычайной быстротой, овладѣваютъ съ боя городомъ, защищаемымъ тремя баталіонами, на другой день бьютъ двѣнадцать неприятельскихъ баталіоновъ и, наконецъ, на третій день въ виду многочисленнаго неприятеля отступаютъ по трудному, почти непроходимому Дальбокскому ущелью.

Не забудемъ вспомнить добрымъ словомъ и храбрыхъ Забалканскихъ «братушекъ» — нашихъ вѣрныхъ помощниковъ и союзниковъ въ прошлую войну, которые защищались въ Эски-Загрѣ въ теченіе 19-го и 20-го чиселъ противъ цѣлой турецкой арміи, къ которой присоединились и мусульманскіе жители Эски-Загры.

Е. У.

(Продолженіе будетъ.)